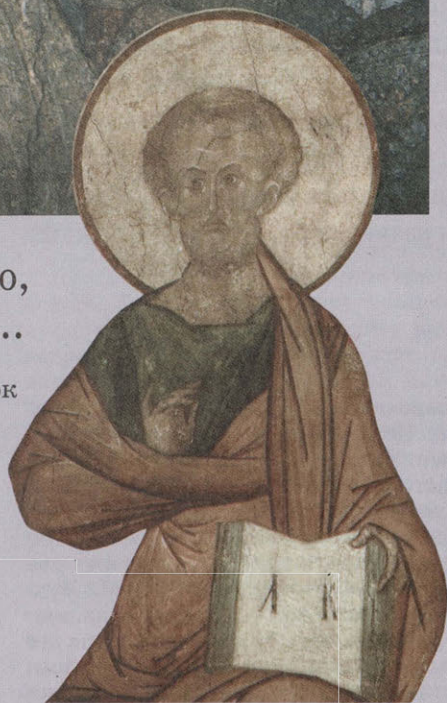

Откровения
АНДРЕЯ РУБЛЕВА

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов...

Александр Блок

В СОВЕРШЕНИИ, В ХУДОЖЕСТВЕ, В МУЖЕСТВЕ

Валерий Сергеев

В ликах кисти Рублева столько тишины, мира, покоя, любви, что иногда кажется: это искусство просто не могло родиться в эпоху кровавых войн, трагических испытаний, пережитых русскими людьми XIV и XV веков. Иначе оно хоть как-то отразило бы в себе эти испытания. Но, как и всегда, есть отражение и отражение. Рублев, безусловно, отразил свою эпоху. Но отразил ее не в жестоких картинах того, что людей мучило и угнетало, а в том, на что уповали эти люди. Отразил те высокие идеалы, к которым они устремлялись, которые помогали им выжить, противостоять жестокой действительности, которые помогали им сплываться духовно, а в конце концов, и государственно. Именно поэтому его мирное, исполненное чистой красоты искусство в то же время и противопоставлено распаду, стихии разрушения, взаимной вражды.

Успенский собор — сердце бывшей столицы. История его строительства и украшения ясно прослеживалась по страницам летописей, и Андрей Рублев не мог не узнать хотя бы главные ее вехи.

Возводить собор начали при князе Андрее Боголюбском в 1158 году, а через два года строение было уже закончено. Лучшие художники того времени, приглашенные из разных мест, — «из всех земель все мастера» приняли участие в его особом, «паче инех церквей», украшении. Одно-

главая, златоверхая его громада с резными по белому камню стен рельефами выросла на крутояре над Клязьмой. Издалека видная, осеняла она сверкающим золотом окрестные дали. Здесь хранилась привезенная некогда все тем же князем Андреем из южного Вышгорода чтимая икона византийского письма, которая стала впоследствии называться Владимирской. В 1161 году собор был украшен фресковой «подписью». Но всего лишь четверть столетия суждено было красоваться ему в первоначальном виде. Сильный пожар, случившийся в 1185 году, уже при князе Всеволоде III, повредил само здание, и вскоре оно было основательно перестроено. При этом старый собор был взят как бы в каменную коробку: с трех сторон (севера, запада и юга) возведены новые стены так, что между ними и старыми стенами образовались узкие помещения — галереи. На кровле сооружены были четыре дополнительные главы с окнами. Став пятиглавой, церковь получила дополнительное обильное освещение.

Роспись 1161 года во время пожара почти полностью погибла. Ее заменили новой, скорее всего, около 1194 года. Но и этой прекрасной, как Андрей мог судить по сохранившимся изображениям, росписи пришлось испытать на себе всегубительное действие огня. В 1238 году, когда ордынские полчища штурмом взяли Владимир, в соборе на его хорах, расположенных на значительной высоте, пытались спрятаться уцелевшие городские жители. Захватчики развели прямо в храме, в западной его части под хорами огромный костер, и в его дыму погибло множество людей. После этого пожара роспись, местами осыпавшаяся, местами потемневшая, очадевшая от дыма, уже не возобновилась. Так и простоял сто семьдесят лет Успенский собор, храня на своих стенах зримые следы исторической трагедии Руси. Под потемневшими его сводами не замерла жизнь. Постепенно украсился он иконами, живописными и шитыми. Здесь венчали, согласно древнему обычаю, на великое княжение русских князей. Особо славились владимирские «клирошане» — соборные певцы. Слава их

затмевала даже высокое искусство московских мастеров пения. Недавно именно владимирский хор сопровождал в свое время в Константинополь неудавшегося кандидата в русские митрополиты Митяя.

Внутри собора было выделено особое помещение княжеской «гробницы». Здесь покоились строители храма Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо, сын Андрея Глеб, погибший в битве с Ордой Георгием Всеволодовичем. Здесь звучали когда-то пламенные слова Серапиона Владимирского.

Ко времени приезда Рублева многое из прежде бывшего, первоначального великолепия домонгольской эпохи в соборе уже отсутствовало. Не было и покрывавших полы больших медных плит, что сверкали некогда подобно золоту и привлекли хищные взоры татар. Их заменили уже скромные цветные майоликовые полы. На них-то и устанавливались весной 1408 года леса для работы художников.

Перед Андреем и Даниилом с помощниками стояла непростая задача. Скорее всего, первый раз в жизни им пришлось не расписывать весь храм заново, а лишь восполнить утраты, дописать недостающее, погибшее в огне татарского нашествия. Дело было особо трудное: сохранить старую живопись, а свое вписать без подражания предшественникам, но и так, чтобы вся роспись являлась целостно, в единстве художества различных эпох. Чтобы не выглядело их искусство как новая яркая заплатка на ветхой одежде.

Художникам предстояло приходить сюда каждый день и работать под этими древними высокими сводами с чувством причастности к жизни многих поколений, к истории, внести в свой черед собственный вклад в эту многовековую сокровищницу.

Конец мая и лето 1408 года были солнечными, сухими. Стояла редкая жара при сильном южном ветре. Горячие суховеи рождали бури. При такой погоде легко на-

Андрей Рублев и Даниил Черный за работой в Успенском соборе во Владимире. Остермановский том Лицевого списка «Жития Сергия». XVI в.

чинались и распространялись пожары. «Ведрено было велими тогда, еще же к тому бури и вихорь велик зело», — записет летописец.

Бездонно синим куполом над белыми владимирскими храмами и зеленым раздольем окрестностей опрокинут безоблачный небесный свод. Серебрится, сверкает внизу под крутояром вода в Клязьме. Но поднимается сухой ветер, и двоящееся марево горячего воздуха окутывает дальние предметы. Нетерпимо для нагруженных глаз это сверкание, сияние и струение, когда усталые мастера выходят на роздых из-под прохладной сени соборных сводов.

Впервые для Рублева и иных московских художников, которые привыкли к росписям скромных по размерам каменных церквей, представлялась возможность работать на больших плоскостях, сложно сочетавшихся архитектурных членениях. Особо значительные утраты от пожара 1238 года пришлось на западную часть храма, где под княжескими хорами пылал огонь. Здесь в сводах и арках в соответствии с давним обычаем должно было писаться изображение Страшного суда — конца мира...

...Росписи с западной части собора будут написаны в память прошедших поколений. Однако это память, которая обращена к будущему, к чаемой в грядущем радостной встрече всех прежде живших по правде с живущими теперь и с теми, кто еще поживет на земле.

Такой вызревал у Андрея замысел. Вот уже закончены все приготовления к работе. Надежно сплочены леса в западной части собора под хорами, приготовлены грунты, краски, кисти. Подмастерья еще с утра нанесли прямо на своды слой левкаса, тонкую обмазку из хорошо гашеной, размешанной на воде и клее извести. Левкасят такую по размерам поверхность, которую можно расписать, пока обмазка не просохла. Иначе краски не соединятся с левкасом,

Андрей Рублев.
Фрагменты Успенского собора.
1408-1410

Лоно Авраамово.
Апостолы и ангелы.
Шествие праведных в рай

Вечны краски Рублева...
Художник-реставратор
А.П. Некрасов
за восстановлением стенописей
Успенского собора

не лягут или окажутся непрочными. Писать надо начинать сверху, со сводов. Водяной раствор красок жидок, легко стекает вниз.

Андрей работает в центральном своде под хорами. Если войти в собор главным, западным входом, прежде попадешь не в самую старую часть, а в пристройку времен Всеволода, и лишь тогда увидишь западную, когда-то внешнюю, а теперь оказавшуюся внутри стену первоначальной постройки Андрея Боголюбского. И, уже войдя в эту древнюю часть, попадаешь в средний свод под хорами. С западной арки этого свода и начал Рублев изображение «Второго и страшного пришествия Христова». Все действие развернется в светло-синем, как небесная лазурь, свете (фоне). С утра, как только кончилась служба и быстро разошелся по своим делам народ, в опустевшем соборе он постоял еще некоторое время, прошелся под невысокими здесь, в западной части здания, сводами. Андрей уже представляет себе, как расположатся на этих сложных изгибах арок, сводов и стен изображения, как впишутся в них, образуя последовательность событий. Поднявшись на леса, он обозрел то, что предстоит заполнить живописью за один раз, за день. Кое-где он нанес графью, отдельные разметки процарапал острым по мягкому еще, слегка влажному левкасу. Этих набросков совсем немного, лишь местами положены легкие наметки того продуманного, взвешенного целого, которое он уже мысленно охватил и измерил.

Теперь жидкой темной краской нанести общий рисунок, очертить изображения сверху арки. Он стоит на лесах, в руке кисть, сосуды с красками — золотистой охрой, белилами, красно-коричневым багром, разных оттенков зеленью, синей, пурпурно-сиреневой — расставлены тут же под рукой, в нужных местах. В середине на самом верху арки он проводит циркулем правильный круг, внутри его, немного отступя, еще один. Движение кистью, другое, третье... И во внутреннем круге угадывается рисунок огромной полусжатой кисти руки. Как спелые зерна в руке веющего на току пшеницу, в этой длани собраны, сосредоточены многие человеческие фигурки — души людские. Точные мазки светлой охрой, описи рисунка багром, короткие удары тонкой кистью, белилами. Изображение окончено. Теперь белилами по синему фону почерком опытного книгописца выводит Андрей буквы устава — поясняющую надпись к только что созданному изображению: «Души праведных в руке Божией».

Слева и справа, в той же арке, но несколько пониже, в начале ее склонов, такого же размера два круга. В них Андрей размещает изображения древних пророков.

Вот Давид-псалмопевец с развернутым свитком в руке. Из-под царской короны выбиваются вьющиеся пряди волос.

В другой такого же размера круг Андрей вписывает поясное изображение пророка Исаяи. Разделяет бликами света одежды, кладет последние, завершающие мазки на его лице.

Какое выражение придал художник этому лицу, для нас навсегда останется тайной, поскольку, как и многое в этих фресках, оно оказалось в значительной мере утраченным. Но сохранился свиток в руках пророка. На нем надпись, обращение пророка к жестоковьюному своему народу, у которого окаменело сердце и ослепли очи, и он не может ни узреть, ни почувствовать правды.

Ниже по сводам той же арки, таков замысел, будут написаны величественные, выше человеческого роста, архангелы. Они вострубят в трубы, возвещая всеобщее воскресение умерших для Суда. Архангел Гавриил — его Рублев написал на северной стороне арки, под изображением Исаяи — трубит вверх, как бы оглашая торжествующим гласом соборные своды. Напротив, на южном склоне, архангел Михаил. Труба его опущена вниз, к земле. И сам он, наклонив голову, повернулся туда, где изображены будут стихии — олицетворения Воды и Земли, отдающие мертвых из недр своих и глубин.

Гибки и легки движения небесных вестников. Это звучный торжественный запев ко всей росписи. Добрым людям имеющее свершиться — к радости. У них нет причин для страха. «Иже добрая соделавшей в радости радуются...»

Фресковую роспись арки вчерне можно было закончить за один день хорошо отлаженной работы. Способ письма допускал и даже предполагал такую «скороспись». Но Рублев работал здесь в такой технике, которую теперь в привычных нам терминах нельзя назвать «чистой фреской». Собственно, фреска — писание по сырой обмазке водным раствором минеральных красок. Рублев поверх фрески делал еще дополнительную проработку частей теми же красками, но растворенными не на чистой воде, а с добавлением какого-либо связующего клейкого вещества. Это делалось по подсыхающей или даже совсем подсыхшей фресковой живописи и требовало дополнительного времени.

Когда шла работа над росписью арки, Андрей уже знал, что именно он напишет под сводом, куда эта арка служила проходом. Он уж продумал, как, вторя движению и сочленению арок, сводов, стен, развернется действие Страшного суда. Центральный, напротив главного входа в алтарь, свод под хорами несколько выше арки.

Андрей, стоя на лесах, пишет «Спаса в Силах». Если спуститься с лесов вниз и вновь войти под своды через арку между изображениями трубящих архангелов, то Христос окажется прямо над головой входящего, он как бы парит, возникает и приближается к земле из небесных далей. Наверное, когда были убраны леса, Андрей стоял здесь, первым проверял впечатление от этого своего создания. Следуя многовековой традиции, и он, Рублев, написал здесь, во Владимирском соборе, в синих кругах, знаке и образе небесных сфер, судия — Спаса. В окружении тепло светящегося золотисто-охристого нимба изображает он вдохновенное лицо. Пышная шапка длинных волос, небольшая борода, устремленный, исполненный внутренней силы взгляд. Исплески света на лбу и около глаз. Лицо серьезно, но не грозно. Суд его не кара, не расправа, а творчество, сотворение нового, светлого мира, где не будет зла и греха. В творящем и одновременно благословляющем жесте высоко поднята правая рука. Левая же опущена долу, как бы указывая путь в преисподний глубины тьмы для тех, кто не хочет войти в создаваемое царство добра и света.

Художник пишет вдохновенно, на едином дыхании. Широкий свободный рисунок, теплое на холодном синем фоне свечные одежды, золотистые, светоносные их складки. По внешнему кругу движутся, мчатся пламенеющие серафимы, огненные небесные силы. Спас движется к земле. Грядет, уже близко время, когда он воссядет на престоле: «А лета и времена и дни кончатся...»

Наверху свода, на одном уровне со Спасом, только восточном, ближе к выходу в подкупольное пространство собора, Андрей изображает небесный свиток, который свивают легко парящие ангелы. Исчезает старое небо и с ним вместе небесные светила — солнце, луна и звезды. Приходит время светить иному свету... Потом в самом конце свода, в арке, ведущей в подкупольное пространство, он напишет «зверей царств» из «видения» пророка Даниила. Мастерски вписаны в круг движущиеся друг за другом символические звери. Вот низко опустивший голову, будто высматривающий затерянный след медведь. Рублев делает четкую надпись внутри круга над зверем — царство «Вавилонское». Появляется надпись над крылатым львом — «Римское». Царство «Македонское» олицетворяет крылатая пантера. И наконец, четвертый зверь, странный, ужасный, многогогий, взглядом свирепый, все пожирающий и пожирающий себе под ноги зверь «Антихристов». У всех зверей, кроме последнего, с его мертвым, тяжким взглядом, отсутствуют черты хищной свирепости. Подвижные их

силуэты так вписаны в круг, что создается видимость замкнутого быстрого движения. Звери как бы усердно догоняют друг друга, торопятся пройти свой земной круг, чтобы уступить место вечному царству добра и справедливости.

Росписи верхней части свода окончены. Когда подсохла живопись, произведены все нужные проработки частностей уже по сухому. Теперь надо менять, опускать уровень площадки на лесах, с которой производится роспись, обмазывать свежей влажной обмазкой плоскости, расположенные ниже, под уже готовыми изображениями. Над аркой с восточной стороны, изнутри свода осталось свободное место. Здесь, как бы у ног Спаса, набрасывает, размечает художник изображение престола: воссядет «на престоле славы своея судия праведный».

Поперек престола лежит большой темный крест — образ жертвы, орудие страдания. Стремительно падают на колени перед престолом Адам и Ева. А по сторонам его с протянутыми руками в трепетной молитве предстоит Богоматерь и Иоанн Предтеча. Тут же, но немного подальше Андрей написал архангелов Михаила и Гавриила. Они выделены, представлены впереди ангельского воинства, которое задумано изобразить по южному и северному склонам свода. Там же будут изображения апостолов. Но главные из них — Петр и Павел — приближены к престолу, расположены не на сводах, а над аркой. Их лицам художник придал спокойное выражение, но в чуть напряженном очертании фигур тонко и точно обозначено ожидание.

Наступил день росписи северного склона. Здесь Рублев напишет сидящих рядом, на одном общем сиденье апостолов. Матфей, Лука, Марк, Андрей один за другим возникнут на стене под его кистью.

...Рублев пишет апостола Андрея Первозванного. Пишет с особенным, проникновенным смыслом и чувством. Изображение этого апостола будет и на иконе, которую создадут художники в то же лето для соборного иконостаса. Быть может, особое внимание к апостолу Андрею здесь, в главном храме Северо-Восточной Руси, вызвано было тем древним преданием, согласно которому этот апостол, проповедуя новое учение, посетил некогда Русскую землю...

Недаром любили на Руси это имя — Андрей. В честь легендарного апостола Русской земли назван был и первый строитель Успенского собора князь Андрей Боголюбский. Не исключено, что это обстоятельство помнил и учитывал теперь художник.

Покой, соединенный с величавой мощью — вот как можно было бы определить облик Андрея Первозванного на рублевской фреске. Основательная крепость фигуры, широкие плечи, крупная голова на

мощной открытой шее, густая округлая борода. Андрей слегка склонил голову, неторопливо размышляет...

Позади апостолов будет написан сонм ангелов. То прямо смотрящие, то развернутые в три четверти, похожие на девичьи, круглые лица, множество близко поставленных, закрывающих друг друга нимбов. Лица ангелов несколько тяжеловаты и «приземлены», некоторая излишняя пластичность, плотность живописи, чуть перегруженная композиция в этой части росписи свидетельствуют о том, что не все здесь принадлежит кисти Рублева. Что-то писалось и оканчивалось одним из учеников. Возможно, сам Андрей, написав здесь основное, поручил дальнейшую работу одному из оставшихся безымянным художников дружины и с тех же лесов начал трудиться над росписью противоположного, южного, склона.

Здесь Рублев изобразил и ангелов, и апостолов Иоанна, Симона, Варфоломея... Еще два, скорее всего Иаков и Фома, плохо сохранились. Ангелы южного склона значительно отличаются от соответствующих изображений противоположной стороны. Легкий, музыкальный свободный ритм в расположении ангельских голов и нимбов. Тонкие, нежные, удивительного благородства лица. В одном из них, у стоящего позади апостола Симона, как и в лике Иоанна, ясно видно сходство с будущими рублевскими иконами из Звенигорода. Та же созерцательная задумчивость, те же округлые формы голов, детская чистота и ясность распахнутых глаз. Несравненным совершенством отличается рисунок в этой фреске. В едином, непрерывающемся очерке та абсолютная верность, присущая только гениальному мастеру, который работает с подъемом, быстро и вдохновенно...

Работы по росписи были в самом разгаре. Трудились, с перерывами на воскресенья и большие праздники, каждый день. Было сухо, жарко. Солнечная погода способствовала художникам. Светло в соборе, хорошо просыхает рос-

пись. Дружина при многообразных и постоянных трудах мало имела досуга для общения с владимирцами. Но, конечно же, местные знакомства установились.

В один из дней или вечеров дошли до них тревожные вести: то в одном, то в другом конце обширного города сразу по нескольку стали умирать люди. В город пришла чума. Бесстрастное солнце освещало печальные погребальные шествия. Живые хоронили мертвых, чтобы завтра занять их место. Попрытались люди, затих город. Тихо и тревожно, как перед грозой. В то лето моровое поветрие почти миновало московские волости, но округи переславльские, юрьев-польские, владимирские были охвачены смертным кольцом.

Каждый день неуклонно и неотменно шли художники — Даниилова и Андреева дружина — в собор. Каждый день, не прерываясь, не отчаиваясь, трудились они здесь перед лицом смерти, которая могла прийти в любой час. Может быть, сегодня? Прожил до вечера — может быть, завтра?

Тихие летние закаты. Розоватый свет на белых стенах собора. Золотистые лучи в полусумраке под его сводами. Ранними утрами, по прохладной еще земле снова и снова шли переставлять леса, разводить краски, творить обмазку, писать. Работать и жить, пока темная смертная сень не коснется кого-либо из них леденящим своим краем. Не пир, но труд для людей «во время чумы».

Исполненное мужества и смысла, особое отношение к смерти давало силы жить, вдохновенно творить в готовности ежечасно принять предначертанное. Они писали фрески, и, быть может, тот свет, та всеобъемлющая ласковость и теплота, которые до сих пор поражают нас в этих тихих лицах, и были ответом на великое испытание смертью. Они, надеющиеся сами, давали теперь своим художеством эту надежду другим. Да и как иначе чуткая, любящая душа Андрея могла откликнуться на человеческие страдания? «В совершенном, в художестве, в мужестве...»

Андрей Рублев.
Богоматерь Владимирская.
1395-1411

